

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—1809 гг.

(Продолженіе 1).

Итоги лѣтней кампаніи 1808 г.

Въ заключеніемъ Олькюокской конвенціи Финляндія была, наконецъ, покорена цѣликомъ. «Мы завоевали Финляндію—сохраните ее»,—сказалъ при прощаньи своимъ войскамъ графъ Н. Каменскій, отъѣзжая въ Петербургъ для поправленія разстроеннаго тяжкими боевыми трудами здоровья. Но если Финляндія и была фактически въ нашей власти, если въ этой новой области мы могли уже обратиться къ мѣрамъ по устройству внутренняго ея управленія, то это еще не значило, что война окончена. Чтобы принудить Швецію согласиться на миръ, для насъ выгодный, — а такимъ могъ быть только миръ, сопряженный съ передачей въ наши руки *всей* Финляндіи,—нужно было настойчиво и безотлагательно продолжать военныя дѣйствія; нужно было спѣшить внести побѣдоносное оружіе наше въ шведскіе предѣлы, дабы истощить у противника всѣ средства для веденія борьбы, и, угрожая его столицѣ, вырвать у него согласіе на

1) См. «Военный Сборникъ» № 4.

Мастерскія дѣйствія послѣдняго этимъ не ограничиваются; онъ подымаетъ противъ насъ всю Корелію, серьезно вредитъ нашимъ сообщеніямъ, забрасываетъ факель народнаго мятежа въ наши предѣлы, на берега Ладожскаго озера, притягивая сюда послѣднія наши свободныя силы, а затѣмъ заставляя насъ отдѣлять въ этомъ, сравнительно второстепенномъ, направленіи, даже часть послѣдующихъ подкрѣпленій...

Не таковы были дѣйствія главной шведской группы, предводимой фельдмаршаломъ графомъ Клингспоромъ. Его наступленіе носило робкій, нерѣшительный, характеръ. Всѣ свои планы и соображенія онъ подгонялъ такъ, чтобы, такъ сказать, отыгаться на диверсіяхъ, а когда дѣло доходило до неизбежности серьезнаго боевого столкновенія, сдавалъ командованіе Адлеркрейцу и подъ разными предлогами отлучался въ тылъ... Въ результатѣ самый опасный для насъ періодъ—іюнь и іюль мѣсяцы—былъ шведами *упущенъ*. Упущенъ онъ былъ, съ одной стороны, по причинѣ бездѣятельности графа Клингспора, а съ другой, благодаря недостаточно энергичному и несогласованному съ операціями «финской арміи» содѣйствію со стороны шведскаго короля, вниманіе котораго не было всецѣло обращено въ ту сторону, гдѣ собственно рѣшалась участь войны, т. е. въ сторону Финляндіи.

Первыя высадки шведовъ на наши берега (фонъ-Фегезака и Бенгенстрале) были отражены, какъ благодаря умѣлымъ и находчивымъ дѣйствіямъ нашихъ войскъ, такъ и вслѣдствіе слабости самыхъ десантовъ, явившихся, по идеѣ короля, только *кадрами*, къ которымъ должно было присоединиться мѣстное народное ополченіе. Полезнымъ для противника результатомъ этихъ десантовъ былъ единственно только тотъ, что мятежныя шайки на побережьѣ Ботническаго залива развили такую дѣятельность, которая оттянула на себя особыя наши отряды...

Высадки эти не сопровождались наступленіемъ главнаго ядра шведскихъ силъ. Клингспоръ, видимо, воздерживался отъ рѣшительныхъ дѣйствій до полученія болѣе серьезной поддержки извнѣ, и такимъ образомъ драгоцѣнное время утрачивалось въ бесплодныхъ попыткахъ и въ частныхъ столкновеніяхъ, отдѣльныя тактическіе успѣхи которыхъ въ пользу шведовъ не приносили никакого серьезнаго стратегическаго результата...

Безсвязность въ дѣйствіяхъ шведовъ, совершенно между собою несогласованныхъ и къ тому же не направляемыхъ, въ сущности, единою волею, — вотъ главная причина бесполезной утраты

этого выгоднаго для нихъ періода войны... Точно также и на морѣ преимущество ихъ господства на немъ не было использовано; не было организовано ни одного серьезнаго десантнаго предпріятія, но дѣло ограничилось отдѣльными поисками шхерныхъ флотилій, имѣвшими общую цѣлью не допустить сосредоточенія нашихъ гребныхъ судовъ въ Абовскомъ раіонѣ и въ результатѣ, окончившимися для противника полною неудачею. Что же касается корабельнаго флота, шведскаго и англійскаго, то, несмотря на всѣ преимущества своей силы и своего положенія, онъ удовлетворился сравнительно легко доставшимся ему успѣхомъ надъ эскадрой адмирала Ханькова и, заперевъ ее, не сдѣлалъ ни одной серьезной наступательной попытки; поэтому организованный Аракчеевымъ къ половинѣ лѣта подвозъ продовольствія Финскимъ заливомъ изъ Петербурга къ Свеаборгу производился все время безпрепятственно...

Такой характеръ дѣйствій шведовъ зависѣлъ въ значительной мѣрѣ отъ стремленія короля Густава IV Адольфа добиться одновременно достиженія нѣсколькихъ цѣлей, что являлось для него, при сравнительно ограниченнхъ силахъ и средствахъ для веденія борьбы, безусловно непосильнымъ. Король не внималъ разумнымъ совѣтамъ болѣе разсудительныхъ и свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ людей (какъ напримѣръ своему генералъ-квартирмейстеру Автиселлю) и желалъ непременно «вознаградить себя въ Норвегіи». Это приводило къ удержанію въ предѣлахъ коренной Швеціи гораздо ббльшаго количества войскъ, чѣмъ требовалось бы для обороны противъ датчанъ и сокращало размѣръ удѣляемыхъ для Финляндіи подкрѣпленій... Мало того, король, какъ извѣстно, лишилъ себя содѣйствія англійскаго десанта.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, обстановка въ періодъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1808 года продолжала оставаться на сторонѣ шведовъ и даже съ наличными силами, при большей рѣшительности и согласованности своихъ дѣйствій, они могли достигнуть результатовъ для насъ гораздо болѣе непріятныхъ... Въ сущности, у нихъ не было ясно сознаннаго предмета дѣйствій. Оперативныя соображенія Клингспора, какъ извѣстно, предусматривали только рядъ диверсій для облегченія успѣха главныхъ силъ его «арміи», не говоря ничего о цѣли и направленіи ея собственныхъ операцій. Одинъ Сандельсъ какъ бы инстинктивно понималъ, что, пока мѣсть силы русскихъ слабы и разбросаны, а море для нихъ надежно въ смыслѣ коммуникаціи, — самымъ чувствительнымъ

объектомъ, центромъ всего ихъ могущества въ Финляндіи — являются *ихъ сообщенія*; и вотъ, какъ мы знаемъ, онъ упорно наносить по нимъ удары, смѣло производя поиски по водной глади Сайменской системы озеръ. Но Сандельсу въ руки даны были, въ сущности, ничтожныя *средства*: отъ 2 до 3 тысячъ *регулярныхъ* войскъ, усиленныхъ вооруженными народными бандами, которыя, разумѣется могли производить только мелкіе набѣги...

Набѣги эти могли затормозить наступленіе колонны Барклая, но — и только!.. Народныя ополченія, не взирая на смѣлость отдѣльныхъ предводителей, по самой природѣ своей неспособны къ рѣшительнымъ активнымъ предпріятіямъ, требующимъ извѣстной выдержки въ исполненіи, что лишній разъ подтверждаютъ событія этой войны...

Если бы Клигспоръ былъ одаренъ большею рѣшительностью и могъ страхнуть съ себя бремя той инертности, которая все время надъ нимъ роковымъ образомъ тяготѣла, онъ, вѣроятно, воспользовался бы тѣмъ вынужденнымъ временемъ бездѣйствія, которое вызвано было весеннимъ половодьемъ и измѣнилъ бы группировку своихъ силъ въ духѣ приданія Саволакской группѣ болѣе рѣшительнаго, активнаго значенія. Онъ имѣлъ на то право, такъ какъ возможность пользованія внутренними водными путями устраняла для Сандельса главное затрудненіе, мѣшавшее наступательнымъ дѣйствіямъ внутри края. Нельзя къ тому же не замѣтить, что вообще побережье притягивало самого Клигспора роковымъ образомъ къ себѣ... Онъ ждалъ оттуда помощи и поддержки, чувствовалъ свой тылъ болѣе обезпеченнымъ въ непосредственной къ нему близости и потому, вѣроятно, такъ неохотно отдѣлился отъ него вслѣдъ за Раевскимъ, особенно когда первые десанты не удались... Мало того, даже одержанные частныя успѣхи онъ опасался использовать, бездѣйствуя почти весь іюль и давая широкою рукою намъ то, что было для насъ якоремъ спасенія — *время*.

Время это дало намъ возможность, прежде всего, сознать, что дѣло еще поправимо; что, не смотря на крайнюю невыгоду нашего положенія до наступленія зимы, можно еще обойтись безъ примѣненія той мѣры, которую уже начали въ то время обсуждать и проектировать въ Петербургѣ, т. е. безъ перехода къ пассивной оборонѣ по всему фронту...

Здѣсь, между прочимъ, бросается въ глаза явленіе весьма характерное для той *переходной эпохи* состоянія нашего военнаго искусства, которую являетъ собою у насъ Александровское царствованіе...

Въ Петербургѣ Императора Александра окружають, по преимуществу, иностранцы, среди которыхъ многіе (тотъ же маркизъ Паулуччи, Пфуль, Опперманъ, Вольцогенъ и др.) получили впоследствии печальную извѣстность въ 1812 году, при составленіи первоначальныхъ плановъ этой кампаніи. Многіе изъ этихъ лицъ пропитаны были ученіями тѣхъ *одностороннихъ* кабинетныхъ теоретиковъ стратегіи, которые какъ разъ въ это время стали появляться въ западной Европѣ (Бюловъ, Эрцгерцогъ Карлъ, Ксиландеръ и др.¹⁾... Результатомъ теоретическихъ измышленій этихъ лицъ, въ ряду которыхъ дѣятельную роль игралъ и будущій главнокомандующій Кноррингъ, было составленіе того пресловутаго оборонительнаго (къ счастью невыполненнаго) плана, по которому наши войска должны были растянуться кордономъ на 500 верстъ отъ Бьернеборга до Кеми.

На театрѣ военныхъ дѣйствій, во главѣ войскъ, оказываются генералы другого типа, преимущественно сподвижники и вскорыши еще Суворовской школы, не искушенные въ теоретическихъ умозрѣніяхъ, но прокаленные, такъ сказать, въ горнилѣ боевого опыта, подъ руководствомъ такого генія, какимъ былъ неподражаемый «чудо-вождь». Люди эти понимали военное дѣло чутьемъ, любили его, просвѣщали себя «помощью геніевъ» (какъ совѣтовалъ имъ ихъ учитель), воспитываясь на классическихъ походахъ древности²⁾, и на ближайшихъ дѣяніяхъ славнаго вѣка Екатерины...

Въ Петербургѣ, повидному, относятся къ нимъ съ плохо скрываемымъ недовѣріемъ; подвергаютъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ контролю, навязываютъ имъ свои планы (напримѣръ «совѣты» Кноррига Тучкову I, постоянныя вмѣшательства Спренгпортена и того же маркиза Паулуччи). Архивы сохранили цѣлыя груды донесеній, соображеній, даже доносовъ, цѣлью которыхъ было, между прочимъ, оклеветаніе главнокомандующаго гр. Буксгевдена, для чего искусно пользовались враждою къ нему Аракчеева... Отсюда видно, что вести войну приходилось не только съ врагомъ, но и съ интригой всякаго рода, тормозившей дѣло управленія военными дѣйствіями... Мало этого, главнокомандующему приходилось бороться еще, какъ мы знаемъ, съ треніями по части согласованія дѣйствій на морѣ съ сухопут-

¹⁾ См. стратегія Г. А. Леера. т. I, прил. № 1.

²⁾ Напримѣръ, Я. П. Кульневъ съ театра войны писалъ въ 1808 году брату: «Чтеніе Квинта Курція есть безпрестанное мое упражненіе!»

ными операціями. Мы отмѣчали въ свое время здравья въ этомъ отношеніи воззрѣнія графа Буксгевдена. Опытъ участія въ предыдущей русско-шведской войнѣ 1788—1790 года, въ которой морскія силы играли, какъ извѣстно, роль весьма значительную, но также не было достигнуто надлежащаго согласованія сухопутныхъ и морскихъ дѣйствій, далъ нашему главнокомандующему случай составить себѣ извѣстное понятіе о роли и значеніи морской вооруженной силы при веденіи борьбы на Балтійскомъ побережѣ. Графъ Буксгевденъ, — какъ видно изъ мнѣній и взглядовъ его по этому предмету, приведенныхъ нами выше въ соответствующихъ главахъ нашего труда, — смотрѣлъ на флотъ, какъ на органъ служебный, какъ на *одно изъ* средствъ веденія борьбы при тѣхъ мѣстныхъ условіяхъ, которыя предоставляла намъ захваченная нами Финляндія. Такъ какъ въ навигаціонный періодъ противникъ могъ грозить намъ преимущественно со стороны моря, то главнокомандующій, считая себя вынужденнымъ охранять берега Финляндіи отъ подобныхъ покушеній, смотрѣлъ на флотъ, съ одной стороны, какъ на орудіе развѣдки, а съ другой — какъ на средство нанесенія ударовъ флотиліямъ или десантнымъ отрядамъ противника, дабы пресѣчь въ самомъ корнѣ его попытки произвести высадку. При этомъ флотъ корабельный долженъ былъ работать въ болѣе дальнемъ разстояніи отъ береговъ и, отыскивая таковой же флотъ непріятеля, мѣшать послѣднему выполнять свои стратегическія задачи и, слѣдовательно, *искать* съ нимъ рѣшительнаго столкновенія; флотъ галерный, — вести развѣдку *ближнюю* и, укрываясь въ засадахъ, производить нападенія на транспортныя суда, какъ только они выбросятъ войска на материкъ, съ тѣмъ, чтобы поставить послѣднія въ безвыходное положеніе.

Обстоятельства отчасти благопріятствовали нашему флоту; силы противника были раздѣлены, но, какъ извѣстно, адмиралъ Ханыковъ затынулъ свой выходъ изъ Кронштадта, потерялъ время въ Гангэ и, въ результатѣ, по какому-то плохо объяснимому недоразумѣнію, уклонился отъ рѣшительнаго боя со шведами, успѣвшими получить лишь небольшое англійское подкрѣпленіе. Въ результатѣ корабельный флотъ нашъ, безъ особыхъ усилій со стороны противника, оказался «выведенъ изъ строя» и закупоренъ въ Балтійскомъ портѣ, откуда уже къ зимѣ перебрался въ Кронштадтъ. Счастье наше, что противникъ не догадался воспользоваться благопріятно сложившеюся обстановкою и не проникъ въ Финскій заливъ. Здѣсь могла бы быть на время прервана мор-

ская коммуникація Петербурга со Свеаборгомъ, чего справедливо опасались и графъ Букстевденъ, и Аракчеевъ; а это обстоятельство, очевидно, весьма невыгодно отразилось бы на положеніи нашихъ войскъ, занимающихъ Финляндію. Намъ безспорно помогаль нѣсколько двусмысленный образъ дѣйствій англійскаго флота;—будь иначе, неуспѣхъ на морѣ отразился бы на сухопутныхъ операціяхъ гораздо внушительнѣе. *Если бы шведы сумѣли именно въ это время использовать какъ должно свое господство на морѣ, преслѣчь наши подвозы моремъ и одновременно мѣтко направить на финляндскій берегъ тѣ свободныя силы, которыми они еще располагали, то даже побѣды графа Каменскаго надъ Клинтспоромъ едва ли сыграли бы столь рѣшительную роль.*

Въ общемъ, дѣйствія на морѣ въ кампанію 1808 года существеннаго вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій не оказали, несмотря на успѣшный для насъ тактичeskій исходъ большинства столкновеній въ шхерахъ. Официальный историкъ нашъ, Михайловскій-Данилевскій (стр. 316—17), усматриваетъ недостаточную успѣшность дѣйствій нашихъ на морѣ въ устарѣлости типовъ нашихъ судовъ, въ недостаточной обученности экипажей, въ привлеченіи на гребныя суда сухопутныхъ солдатъ, составлявшихъ тамъ даже большинство, а главное—*въ трудности плаванія по шхерамъ.* «Въ семь лабиринтѣ острововъ (пишетъ онъ) начальнику гребныхъ судовъ недостаточно быть только морскимъ офицеромъ. Положеніе острововъ и утесовъ, фарватеры и проходы должны быть ему знакомы... У насъ не было надежныхъ картъ; мы нуждались и въ лоцманахъ; всѣ жители уходили при приближеніи русскихъ судовъ, оставались только женщины и дряхлые старики, а ни тѣ, ни другіе не могли быть проводниками». Превосходство шведовъ въ смыслѣ знанія своихъ водъ и въ отношеніи подготовки—неоспоримо. Ихъ «армейскій флотъ», созданіе Августина Эренсверда, готовился болѣе полустолѣтія; нашъ былъ въ значительной степени импровизаціей. И все-таки, въ большинствѣ столкновеній шхерныхъ флотовъ мы, оказываясь почти всегда слабѣйшими и даже чувствуя хроническій недостатокъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ, неизмѣнно одерживали верхъ. Къ сожалѣнію, дѣло ограничивалось лишь отбитіемъ удара; довершить его преслѣдованіемъ, добиться полного разгрома непріятеля, мы не могли, опасаясь рисковать движеніемъ по незнакомымъ фарватерамъ. Вотъ почему всѣ эти шхерныя наши побѣды, въ сущности, были бесполезны; потери въ личномъ составѣ непріятелю не долго было по-

полнить, а поврежденія починить. Первоначальной основной цѣли дѣйствій гребного флота, пріобрѣтенія *господства въ шхерахъ*, мы такъ и не достигли. Мало того, столкновенія шхерныхъ эскадръ происходили все время совершенно независимо отъ дѣйствій на сушѣ, мало руководствуясь стремленіемъ оказать существенное вліяніе на ходъ десантныхъ операцій. Въ этомъ смыслѣ почти одинаково грѣшили обѣ стороны. Шхерныя флотиліи тягались другъ съ другомъ, а высадки бывали отбиты обыкновенно однимъ усиліями сухопутной обороны.

Всѣ вышеуказанныя обстоятельства дали намъ возможность благополучно переждать трудное время и возстановить свое положеніе въ Финляндіи даже ранѣе, чѣмъ настала новая зима, облегчившая намъ эту задачу. Убѣдясь, что наступленіе правымъ флангомъ нашего стратегическаго фронта невысказимо, главнокомандующій, желая вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ пассивно-оборонительныхъ плановъ, составляемыхъ въ Петербургѣ, вручаетъ полную мочь графу Каменскому, возлагая на него лишь задачу одержать рѣшительный успѣхъ надъ главною группою Клингспора...

Къ этому времени, очевидно, высшему командованію нашему стало яснымъ, что шведскія войска, сосредоточиваемыя королемъ на Аландѣ, вовсе не являются, — какъ это казалось прежде, — опаснѣйшею для насъ группою противника. И это убѣжденіе, въ связи съ окончательнымъ отказомъ дѣйствовать наступательно противъ Сандельса, приводитъ къ тому, что въ рукахъ графа Каменскаго собираются все-таки если не превосходныя силы, то такія, которыя позволяютъ серьезно мѣряться съ непріателемъ... Въ сущности, десятитысячный корпусъ Каменскаго, — это какъ разъ то нормальное для Финляндіи количество войскъ, которое, по мѣстнымъ условіямъ, можетъ дѣйствовать совокупно, въ рукахъ одного вожда. Прибавка Каменскому войскъ сверхъ этой нормы уже была бы, пожалуй, для него малополезна, такъ какъ уменьшала бы его подвижность, вынуждая даже, быть можетъ, не пользоваться этимъ излишкомъ, такъ какъ тѣснота полей сраженія не позволила бы развернуть одновременно болѣе значительныя силы...

Каменскій выказалъ въ эту кампанію большія военныя дарованія. Онъ всецѣло оправдалъ выборъ и довѣріе къ нему главнокомандующаго и прозрѣніе Суворова, отмѣтившаго его способности еще въ Швейцарскомъ и Италіанскомъ походахъ. Кое-что «суворовское», несомнѣнно, сквозить и въ образѣ дѣйствій

молодого вождя, героя Куортане и Оровайса. Но особенно ярко его военный талантъ выраженъ въ Севарь-Ратанской операціи, которая заключила собою войну, и потому общая характеристика его, какъ военачальника, будетъ сдѣлана нами послѣ ея изложенія.

Здѣсь отмѣтимъ лишь одно обстоятельство, а именно—насколько правильный выборъ *предмета* дѣйствій и *способа* дѣйствій противъ него сразу перемѣщаетъ центръ тяжести успѣха въ нашу сторону. Графъ Буксгевденъ, опасаясь за побережье, все время придавалъ большее значеніе отраженію высадокъ и войскамъ короля на Аландѣ, поэтому боялся выдѣлить противъ Клингспора достаточно силъ; кромѣ того, самыя эти дѣйствія строилъ на идеѣ кружной угрозы дальнему тылу шведской арміи, не осуществимой, какъ оказалось, по условіямъ мѣстности. Каменскій, собравъ въ свои руки отрядъ такой числительности, который давалъ ему право на самостоятельныя дѣйствія, намѣчаетъ себѣ цѣлью *главную* группу неприятельскихъ войскъ Клингспора, а способомъ дѣйствій избираетъ рѣшительный ударъ по возможности всѣми силами. При этомъ, неудачно испробовавъ въ самомъ началѣ операціи столь излюбленный Буксгевденомъ ударъ на сообщенія, онъ сразу бросаетъ этотъ затяжной способъ, приводящій только къ *уклоненію противника отъ боя* и переходитъ къ способу ближняго фланговаго удара, соединеннаго съ фронтальнымъ наступленіемъ, отряжая лишь небольшія группы для давленія на тылъ противника съ цѣлью отвлеченія его вниманія. Такимъ именно манеромъ нанесены Каменскимъ тѣ удары при Куортане, Сальми и Оровайсѣ, которые сразу измѣнили положеніе дѣлъ на всемъ театрѣ войны и, въ сущности, рѣшили судьбу кампаніи. Шведскія войска окончательно пали духомъ, народная война быстро угасла, остатки войскъ Клингспора и Сандельса были снова отброшены на сѣверъ и отдѣлены отъ такъ называемой «южно-финской» Аландской арміи короля, которая не была своевременно придвинута моремъ къ нимъ на помощь и только въ пустую затратила свои силы на бесполезныя высадки.

Помимо этого, шведы не подумали поддержать съ моря отступление арміи Клингспора и заблаговременно передвинуть на сѣверъ болѣе значительную часть своего шхернаго флота, бесполезно таявшаго въ абовскихъ водахъ въ постоянныхъ стычкахъ съ нашими гребными флотиліями... Подъ Оровайсомъ у Клингспора оказалось случайно подъ руками пять канонерскихъ лодокъ (пришедшихъ изъ Улеборга); и тѣ, какъ мы знаемъ, оказали весьма вредное для насъ вліяніе на ходъ сраженія; если бы этихъ кано-

нерокъ было здѣсь больше; если бы часть шведскихъ войскъ была перевезена на нихъ южнѣе вдоль побережья, тамъ высажена и введена внезапно въ тылъ атакующихъ войскъ Каменскаго какъ разъ въ рѣшительный моментъ боя, когда всѣ резервы успѣли добѣжать и были введены въ дѣло? Наконецъ, если бы въ оровайскомъ бою принялъ участіе шведскій корабельный флотъ, который, съ уходомъ эскадры адмирала Ханыкова, бездѣйствовалъ? Исходъ кампаніи, несомнѣнно, могъ бы быть для насъ инымъ, и пришлось бы (какъ это и предвидѣлъ Буксгевденъ) завершать завоеваніе Финляндіи зимою, быть можетъ цѣною новыхъ тяжелыхъ усплій.

Отсутствіе надлежащаго объединенія власти надъ сухопутными войсками и флотомъ сыграло, безусловно, рѣшающее вліяніе на неблагопріятный для насъ исходъ морскихъ операцій. Петръ Великій дѣйствовалъ въ Финляндіи примѣрно въ такихъ же условіяхъ ¹⁾, но у него совмѣстныя операціи сухопутныхъ силъ и галернаго и корабельнаго флотовъ направлялись единою могучею его волею и мыслью; сухопутныя войска его были вполне освоены съ дѣйствіями на гребныхъ судахъ; при немъ армія и флотъ составляли даже не двѣ руки одного туловища, а нѣчто единое, нераздѣльное. Поэтому и совмѣстная работа ихъ шла дружно, рука объ руку, чего уже не замѣтно въ позднѣйшихъ финляндскихъ войнахъ.

Весьма поучительно, что въ одномъ изъ предписаній морскаго министра Чичагова, данныхъ начальству морскихъ силъ въ Финляндіи, читаемъ подтвержденіе «извѣстной истины, что *согласіе есть душа всякаго дѣла, колыми паче военнаго*, и что усплія и подвиги воинскіе только тогда бываютъ благоуспѣшны, когда они управляютъ единодушіемъ и, истекая отъ сосредоточенія главнокомандующей власти, стремятся къ единой общей цѣли». Однако, тотъ же Чичаговъ самъ нерѣдко подавалъ обратный примѣръ, вступая въ пререканія съ графомъ Буксгевденомъ и желая управлять самостоятельно изъ Петербурга морскими операціями, внѣ зависимости отъ общаго хода дѣла на главномъ театрѣ войны. Даже шхерную флотилію контръ-адмирала Мясоѣдова онъ не признавалъ возможнымъ подчинить всецѣло главнокомандующему, а только обязалъ его «всѣ движенія свои начинать и располагать *по совѣщанію и согласію*» съ нимъ.

У шведовъ точно также не было согласованности въ дѣйствіяхъ сухопутной арміи, оборонявшей Финляндію, десантовъ, должен-

¹⁾ См. А. З. Мышлаевскій. «Война въ Финляндіи 1712—1714 гг.».

ствовавших ее поддержать, и облегчавшаго имъ эту задачу флота, хотя фактическое объединеніе высшаго руководства всѣми этими органами вооруженной борьбы у нихъ существовало въ лицѣ короля, самолично явившагося на театр военныхъ дѣйствій. Но Густавъ-Адольфъ IV оказался совершенно не на высотѣ принятой имъ на себя роли. вмѣсто общаго, планосообразнаго руководства всѣми операціями въ духѣ основной ихъ идеи, установленной еще въ февралѣ и вполнѣ соображенной съ обстановкою, король то вмѣшивался въ частныя распоряженія отдѣльныхъ начальниковъ, то принималъ на себя руководство такимъ спеціальнымъ дѣломъ, какъ организація десантовъ, не заботясь о связи своихъ намѣреній и распоряженій съ дѣйствіями графа Клингспора. Въ результатѣ— у нашего противника операціи на морѣ и высадки производились совершенно почти независимо отъ того, что совершалось на сушѣ, а потому оказали на эти послѣднія событія вліяніе почти неощутимое.

Положеніе сторонъ зимою 1808—1809 гг. и операціонныя ихъ планы.

По заключеніи перемирія, войска наши были раздѣлены на четыре «корпуса» и отдѣльный отрядъ (1-й Улеаборгскій Тучкова, 2-й Вазаскій князя Голицына, 3-й Абоскій князя Вагратіона и 4-й Нюландскій графа Витгенштейна; отдѣльный Куопіоскій отрядъ былъ подчиненъ выборгскому военному губернатору Обрескову). Въ общей совокупности своей они именовались теперь уже «арміею»; были укомплектованы, снабжены и доведены до общей численности въ 52,439 человекъ, считая съ нестроевыми, а безъ нихъ— 48,418 человекъ. Изъ нихъ въ улеаборгскомъ корпусѣ было свыше 11 т. въ вазаскомъ—13 т., въ абоскомъ—10 т. и въ нюландскомъ—9 т. Такова была численность финляндской арміи къ 1-му января 1809 года.

Новая организація имѣла цѣлью по возможности устранить допущенное нарушеніе нормальныхъ войсковыхъ соединеній, свести дивизіи и бригады вмѣстѣ, расположивъ ихъ при этомъ такъ, чтобы, съ одной стороны, группировка силъ ближе соответствовала намѣчаемому плану дальнѣйшихъ дѣйствій, а съ другой—давала наибольшія удобства въ смыслѣ снабженія войскъ продовольствіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ старались размѣстить войска въ тѣхъ частяхъ края, которыя менѣе потерпѣли отъ войны, заботясь такимъ обра-

зомъ объ облегченіи мѣстныхъ жителей. Кромѣ того, время перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ было посвящено мѣрамъ по упорядоченію продовольственной и санитарной части. Въ Гельсингфорсѣ, Свеаборгѣ, Або, Вазѣ, Куопіо и Тавастгусѣ устроены большіе госпитали (отъ 300 до 400, а первый даже на 700 мѣсть); въ Ловизѣ, Экнесѣ, Бьернеборгѣ и Гамла-Карлею—малые (на 100 мѣсть). Главные продовольственные магазины (на 18 тыс. челов. и 3,000 лошадей) устроены въ Гельсингфорсѣ, Або, Лилькюро и Улеоборгѣ, а расходные—въ Тавастгусѣ (на 35 т. чел. и 8 т. лош.) и Куопіо (25 т. чел. и 5 т. лош.). Кромѣ того заложенъ рядъ небольшихъ магазиновъ (на 2—5 тыс. челов.) въ Ловизѣ, Экнесѣ, Ньюштадтѣ, Бьернеборгѣ, Нерпесѣ, Гамла-Карлею и Брагестаптѣ и на этапныхъ пунктахъ по главнымъ коммуникаціоннымъ путямъ, для проходящихъ командъ.

Таковы были послѣднія мѣры графа Буксгевдена, уволеннаго въ началѣ декабря отъ командованія и замѣщеннаго генераломъ Кноррингомъ.

Цѣлью дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій ставилось немедленное и рѣшительное перенесеніе операцій на шведскій берегъ. Неоднократно было уже указано на тѣ выгоды, которыя давала намъ зима, уменьшавшая обороноспособность мѣстности въ Финляндіи и Швеціи съ замерзаніемъ внутреннихъ водъ, устранявшая содѣйствіе непріятельскихъ морскихъ силъ и возможность ихъ поддержки со стороны англійскаго флота. Мало того зима создавала *естественный помостъ* между Финляндіей и Швеціей. Съ наступленіемъ весны шведы могли снова пополнить свои войска, получить болѣе рѣшительную помощь Англій, повторить совмѣстныя дѣйствія съ флотомъ, и возобновить десантныя операціи по финляндскимъ берегамъ, которыя на этотъ разъ, подъ вліяніемъ недавнихъ уроковъ, могли быть уже произведены съ исправленіемъ прежнихъ ошибокъ. Короче говоря, зимнія дѣйствія *позволяли намъ непре- рывно удерживать за собою починъ* и, пользуясь преимуществами положенія, не давать противнику времени оправиться и собраться съ новыми силами; наоборотъ;—отсрочка операцій *до весны*—играла во всѣхъ смыслахъ въ руку противнику и вела къ тяжкѣ борьбы, намъ безусловно нежелательной.

Не слѣдуетъ забывать, что весь расчетъ Густава IV Адольфа на успѣхъ былъ построенъ на *непрочности* нашего союза съ Наполеономъ; а намъ обратно, эта самая непрочность (надо думать, предвидимая и нашими государственными людьми), повелѣвала *стѣ-*

шить поскорѣ закончить войну, дабы извлечь изъ нея тѣ выгоды, необходимость пріобрѣтенія которыхъ предписывали намъ одновременно и географія, и исторія...

Императоръ Александръ, сознавая всю невыгоду для насъ веденія операций въ навигаціонный періодъ, писалъ объ этомъ новому главнокомандующему Кноррингу и повелѣвалъ «усилить наши военныя дѣйствія въ настоящее зимнее время». Общая идея плана заключалась въ томъ, чтобы двинуть одновременно на шведскій берегъ три группы войскъ: отъ Або черезъ Аландскіе острова и Аландсгафъ; отъ Вазы черезъ Сѣверный Кваркенъ и изъ Улеаборга черезъ Торнео. Цѣлью такого наступленія ставилось: 1) «Одновременнымъ дѣйствіемъ нашихъ войскъ на мѣста между собою отдаленныя, раздѣливъ силы непріятели, озаботить и разстроить его, и пользуясь превосходствомъ нашимъ въ числѣ, пріобрѣсть болѣе надежды къ принужденію шведскаго короля на миръ; 2) занятіемъ Вестро-Ботніи имѣть въ рукахъ нашихъ залогъ къ миру, основывая окончательныя постановленія его на обратной уступкѣ шведамъ сей области ¹⁾, и 3) во всѣхъ случаяхъ, предполагая даже что переходъ черезъ заливъ не принудитъ непріятели къ миру, выгоды наши требовали, пользуясь зимнимъ временемъ, поставить твердую ногу на той сторонѣ Ботническаго залива, чтобы впослѣдствіи можно было усиливать тамъ наши предпріятія, уже не опасаясь быть отрѣзанными при весеннихъ трудныхъ переправахъ».

«Таковы суть причины—прибавлялъ Государь—побуждающія *ускорить* симъ предпріятіемъ»; онъ не скрывалъ отъ себя всѣхъ трудностей, сопряженныхъ съ его выполненіемъ, но убѣждалъ Кнорринга, что они «исчезаютъ при сравненіи съ тѣми препятствіями, которыя должны будутъ встрѣтиться весною» и что «лучше однимъ кратковременнымъ, но рѣшительнымъ напряженіемъ силъ положить конецъ дѣлу», чѣмъ «вести войну тягостную и продолжительную».

Въ заключеніе подтверждалось, что Высочайшія намѣренія усилить зимою военныя дѣйствія—«непремѣнны и рѣшительны».

Инициатива перехода нашихъ войскъ въ Швецію по новѣйшимъ

---

¹⁾ Отсюда видно, что въ сущности, дальнѣйшія операціи на шведскомъ берегу должны были *обезпечить за нами обладаніе всею Финляндіей*, совершенно также, какъ Петръ Великій въ 1712—1714 гг. завоевывалъ ту же Финляндію для того, чтобы «было что при мирѣ уступить» (см. главу I нашего труда въ февральской книжкѣ «Военнаго Сборника» прошлаго года).

изслѣдованіямъ (см. М. М. Бородкинъ «Исторія Финляндіи, время Императора Александра I, гл. VI, 191—194), исходила отъ нашей союзницы Франціи. Изъ переписки Коленкура, французскаго посла въ Петербургѣ, видно, что еще въ мартѣ 1808 года глѣвнымъ исходнымъ пунктомъ для переброски нашихъ войскъ черезъ Вотнику намѣчалась Ваза, причемъ полагали даже совершить десантъ на судахъ, если не удастся воспользоваться льдомъ. Какъ извѣстно расчеты эти не оправдались: 1-го мая 1808 года быть въ Стокгольмѣ (какъ писалъ Александру Наполеонъ) русской арміи не удалось, отчасти вслѣдствіе двуличія того же Наполеона, который старался затянуть вооруженную борьбу своего союзника, чтобы вѣрнѣе его ослабить, и строго корилъ Коленкура за его непродуманные совѣты: «не переставайте быть французомъ», писалъ онъ ему...

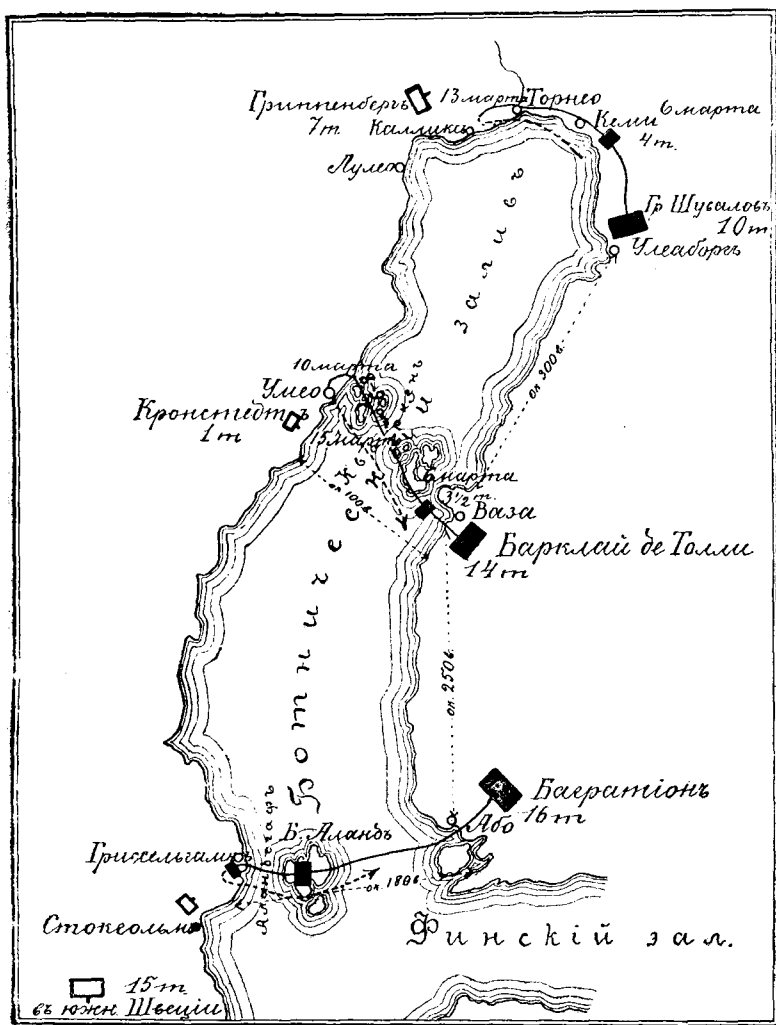
Въ концѣ 1808 года переходъ нашихъ войскъ въ Швецію былъ безповоротно рѣшенъ, и первоначально Императоръ Александръ намѣренъ былъ возложить общее командованіе этою экспедиціей на графа Н. Каменскаго. Въ архивахъ (Д. В. Уч. Арх. Гл. Шт. № 4419) сохранился черновикъ всеподданнѣйшаго донесенія Каменскаго, въ которомъ послѣдній отклонялъ отъ себя это назначеніе, ссылаясь, съ одной стороны, на слабое состояніе здоровья, «не соответствующее усердію» его къ службѣ, а съ другой—предвидя «не только большія затрудненія, но почти невозможность къ выполненію предполагаемаго плана»; поэтому «малая надежда въ успѣхѣ» заставляла его опасаться, что «неудача, которой легко ожидать, можетъ приписаться «ему въ вину».

Однако, Каменскій счелъ своимъ долгомъ, «яко вѣрноподданный», повергнуть на благоусмотрѣніе Императора Александра свои мысли объ этой экспедиціи, несомнѣнно, легшія въ основаніе послѣдующаго операціоннаго плана, но съ довольно существенными отъ него отличіями, безусловно повліявшими на сравнительно слабый стратегическій успѣхъ всего предпріятія.

Прежде всего, по мнѣнію Каменскаго, «если для понужденія шведовъ къ миру благоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству сдѣлать нападеніе на самую Швецію, то должно *на сіе употребить силы значительныя, которыя бы могли дѣйствовать рѣшительно и привести то дѣло въ короткомъ времени къ окончанію*».

Каменскій предлагаетъ направить черезъ Ботническій заливъ въ Швецію также три корпуса: одинъ берегомъ черезъ Торнео въ

западную Ботнию; другой через Кваркенъ на Умео и третій через Аландъ. Но, по мысли Каменскаго, каждый изъ этихъ самостоятельныхъ корпусовъ играетъ особую роль, и соотвѣтственно этому опредѣлены и ихъ силы. Сѣверный корпусъ, въ 10,000 человекъ,

имѣеть назначеніе демонстративное. Онъ долженъ начать наступленіе первый, еще до зимы, «быстро атакуя вездѣ противящагося непріятеля»; въ виду невозможности доставки за нимъ продовольствія, онъ долженъ быть снабженъ, по меньшей мѣрѣ, на три мѣ-

сяца, короче—имѣть базу при себѣ, передвигая ее послѣдовательно за собою.

«Главная армія» тѣмъ временемъ должна собраться къ Вазѣ; въ ней слѣдуетъ имѣть не менѣе 30,000 строевыхъ рядовыхъ, она должна дожидаться замерзанія Кваркена, имѣть при себѣ готовый 10-дневный провіантъ и мѣсячную пропорцію сухарей, съ заготовленнымъ для нея транспортомъ. Переправу черезъ Кваркенъ слѣдуетъ совершить такъ, чтобы послѣ того *соединиться* съ наступающимъ отъ Торнео корпусомъ и общими силами (т. е. 40,000) «дѣйствовать по обстоятельствамъ, имѣя главное свое направленіе на Штокгольмъ».

Третій корпусъ (10,000-ный) долженъ очистить Аландскіе острова отъ непріятеля и, утвердись тамъ, если Аландсгафъ замерзнетъ (что, вообще, рѣдко бываетъ), перейти тоже въ Швецію и «сдѣйствовать прочимъ корпусамъ».

Каменскій настоятельно требовалъ, чтобы «всѣ сіи три корпуса были въ полной командѣ назначеннаго начальника сей экспедиціи, который, завися единственно отъ Вашего Императорскаго Величества, долженъ имѣть полномочіе дѣйствовать по обстоятельствамъ и по своему благоусмотрѣнію и имѣть, сверхъ того, полномочіе заключить миръ, не испрашивая уже предварительно о томъ, а для того долженъ онъ заблаговременно имѣть наставленіе, на какихъ кондиціяхъ можетъ онъ приступить къ заключенію онаго».

«Чѣмъ болѣе будетъ онъ имѣть власти и чѣмъ болѣе будетъ онъ удостоенъ довѣренностью Вашего Величества (прибавляетъ Каменскій), тѣмъ болѣе можетъ онъ дѣйствовать съ успѣхомъ, а паче всего не должны войска или чиновники, подъ нимъ состоящіе, не получать ни отъ кого никакихъ повелѣній, кромѣ его».

Въ заключеніе своего рапорта Каменскій все таки считаетъ нужнымъ признать «таковую экспедицію весьма сомнительною». «Необходимо, чтобы Кваркенъ замерзъ твердо и на нѣкоторое время, что не каждый годъ случается. При сильномъ вѣтрѣ съ моря ледъ на Кваркенѣ часто взламывается». «Сей переходъ болѣе 60 верстъ, гдѣ должно будетъ идти по компасу, въ одинъ день перейти не можно, и можетъ въ самое время перехода сдѣлаться переменна погоды. Большой морозъ можетъ большую часть корпуса истребить, при вьюгѣ же можетъ и весь корпусъ занести и замо-

розить», наконецъ, противникъ «можетъ опустошить свой собственный край» и этимъ поставить наши войска въ критическое положеніе, особенно, если проливъ какъ разъ въ это время очистится отъ льда и придется отступать черезъ Торнео.

Такимъ образомъ, Каменскій откровенно излагалъ Государю всё опасности и трудности задуманнаго предпріятія... Уже то обстоятельство, что онъ не бралъ его на себя, показывало всю его рискованность, такъ какъ Каменскій былъ смѣль и рѣшителенъ и отъ опасныхъ предпріятій не имѣлъ привычки уклоняться...

Заболѣли и еще 3 корпусныхъ командира: Тучковъ, князь Голицынъ и графъ Витгенштейнъ, замѣненные гр. Шуваловымъ, Барклаемъ и Багговутомъ. Такимъ образомъ, во главѣ своего корпуса остался неизмѣнно только одинъ князь Багратионъ.

Составленный въ Петербургѣ окончательный планъ, хотя по внѣшности и былъ сходенъ съ приведенными соображеніями графа Каменскаго, однако весьма существенно отъ нихъ отличался. Сила корпусовъ была уменьшена *вдвое*, причемъ *самымъ сильнымъ* долженъ былъ быть не Вазаскій, а Абовскій корпусъ (20 т.) которому Каменскій придавалъ всего менѣе значенія. Затѣмъ, не было установлено той *последовательности*, при которой у Каменскаго наступленіе начиналъ сѣверный корпусъ, навлекая на себя вниманіе противника, по приближеніи его къ Умео—совершалъ переправу главный корпусъ, а затѣмъ уже южный корпусъ оттягивалъ силы противника на Аландъ, для ослабленія обороны столицы, къ которой должна была идти сорокатысячная масса съ сѣвера.

Наоборотъ, какъ видно изъ приведеннаго выше предписанія Императора Александра главнокомандующему Кноррингу, мы рассчитывали «*одновременнымъ* дѣйствіемъ нашихъ войскъ на мѣста между собою отдаленныя *раздѣлить* силы непріятели». Но, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, именно одновременности этой трудно было достигнуть; а кромѣ того она (по условіямъ разстояній между корпусами) приводила къ извѣстной разрозненности, изолированности, а потому и — *неуверенности* ихъ дѣйствій.

Подготовка всего необходимаго для экспедиціи замедлилась до чрезвычайности. Съ наступленіемъ зимы прекратился подвозъ про-

довольствія моремъ къ Гельсингфорсу, а подвозъ сухимъ путемъ встрѣтилъ огромныя затрудненія, особенно въ дѣлѣ сбора подводы. Между тѣмъ основнымъ условіемъ успѣха экспедиціи было обезпеченіе ея всѣмъ необходимымъ. Поэтому главнокомандующій Кноррингъ, опасаясь, что продовольственный вопросъ затормозитъ дѣло, сталъ добиваться разрѣшенія *еще болѣе сократить* численность экспедиціонныхъ корпусовъ.

Въ результатѣ возникла переписка съ Петербургомъ; время шло; проходили декабрь, январь и начало февраля—лучшіе мѣсяцы для выполненія плана. Государь 12-го февраля выразилъ, наконецъ, свое неудовольствіе Кноррингу довольно рѣзко. «Съ удивленіемъ увидѣлъ я (писалъ онъ ему), что только нынѣ вознамѣрились вы приступить къ сбору войскъ для пріуготовленія ихъ къ дѣйствіямъ, и теперь только собираете вы нужныя для того свѣдѣнія, тогда какъ съ самаго отъѣзда вашего къ ввѣренному вамъ начальству извѣстны уже вамъ были рѣшительныя предположенія мои касательно зимнихъ операцій. Не менѣе того удивляетъ меня, что приведеніе въ дѣйствіе Аландской экспедиціи производится столь медленно, что и понынѣ, къ сожалѣнію моему, не вижу я даже и начала онаго, когда надлежало бы уже въ сіе время послѣдовать окончательное сей экспедиціи исполненіе. Я привыкъ требовать точности въ исполненіи моихъ повелѣній и не люблю ихъ повторять.

Надѣюсь, что въ послѣдній разъ вы къ оному меня принуждаете».

Въ отвѣтъ на это Кноррингъ откровенно признался въ своемъ безсиліи исполнить Высочайшую волю и просилъ объ увольненіи отъ службы. Тогда Императоръ Александръ (по совѣту Коленкура, какъ удостовѣряетъ теперь М. М. Бородинъ, стр. 195) прибѣгъ къ крайней мѣрѣ: послалъ въ Финляндію человѣка, пользующагося полнымъ его довѣріемъ и извѣстнаго своею энергіей—военнаго министра Аракчеева. Послѣдній 20-го февраля прибылъ въ Або и, имѣя въ рукахъ Высочайшій Указъ, предоставляющій ему «неограниченную во всей Финляндіи» власть (тамъ же), меньше чѣмъ въ двѣ недѣли устранилъ всѣ затрудненія, тормозившія дѣло.

Въ письмѣ къ нему отъ 7-го марта Государь не скупится на благодарность своему «безъ лести преданному» любимцу, а поведеніе Кнорринга называетъ прямо «безстыднымъ»...

Изъ всѣхъ частныхъ начальниковъ, одинъ князь Багратионъ не проявлялъ неувѣренности и унынія. «Прикажите—пойдемъ», коротко отвѣчалъ онъ Аракчееву. Наоборотъ, Барклай-де-Толли, а также графъ Шуваловъ, засыпали послѣдняго, какъ градомъ, представленіями, доказывающими неисполнимость ихъ задачи...

Барклай доносилъ о некомплектѣ имѣющихся войскъ, о замедленіи въ движеніи остальныхъ частей отряда, о недостаткѣ боевыхъ патроновъ, неимѣніи картъ, отсутствіи связи съ Шуваловымъ, а также о неизвѣстности относительно непріятеля.

«Однимъ почеркомъ пера» (пишетъ Михайловскій-Данилевскій) уничтожилъ Аракчеевъ всѣ эти затрудненія, указавъ источники пополненія недостающаго и, въ заключеніе, писалъ: «на сей разъ желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо министровъ много, а переходъ Кваркена Провидѣніе предоставляетъ одному Барклаю-де-Толли». Понятно, что такое заключеніе должно было подѣйствовать на самолюбиваго генерала и вызвать въ немъ крайнее напряженіе энергіи.

Заслуга Аракчеева въ отношеніи *организации* за-Ботнической экспедиціи безусловно велика: онъ вдохнулъ энергію въ исполнителей, и добился того, что воля Его Повелителя могла быть осуществлена... Но, вмѣсто того, серьезнаго и рѣшительнаго по послѣдствіямъ предпріятія, которое намѣчалъ Каменскій, и которое только и могло привести къ желанному результату, т. е. къ понужденію Швеціи сдаться на выгодныя для насъ условія мира,—дѣло свелось какъ бы къ *поиску*, къ кратковременной угрозѣ, которая, даже при томъ полномъ внутреннемъ развалѣ, въ которомъ находилась Швеція, не могла быть и не была дѣйствительной.

Тяжелое положеніе послѣдней извнѣ осложнялось крупною безурядицей внутри государства. Неудачный исходъ кампаніи въ Финляндіи, условія олькіокской конвенціи, болѣзненность въ войскахъ и неурюстройства санитарной части, непомѣрные военные расходы, далеко превзошедшіе размѣры отпущенной англичанами денежной субсидіи,—все это возбуждало крайнее неудовольствіе въ населеніи, которымъ, конечно, пользовались враждебные королю политическіе элементы.

Рядомъ съ этимъ начались несогласія у короля съ его единственнымъ союзникомъ, Англійей: англичане не хотѣли увеличить

денежное пособіе Швеціи, считая, вѣроятно, это предпріятіе невыгоднымъ и даже посовѣтовали Густаву IV Адольфу прервать съ ними союзъ и заключить съ Россіей отдѣльный миръ... Дѣло дошло до того, что разгнѣванный шведскій король собирался уже наложить запрещеніе на англійскія торговыя суда, отъ чего его насилу отговорили министры и представители купечества...

Упрямый король рѣшилъ, все-таки, продолжать войну, хотя по смѣтѣ военныхъ издержекъ на 1809 годъ требовалось 26 милліоновъ талеровъ, т. е. въ 2¹/₂ раза больше, чѣмъ обращалось въ Швеціи наличныхъ денегъ. Пришлось наложить чрезвычайную подать, объявить рекрутскій наборъ: это вызвало повсемѣстный ропоть, тѣмъ болѣе, что эти экстренныя мѣры были приняты королемъ единолично, безъ созыва государственныхъ чиновъ...

Въ январѣ 1809 года Густавъ IV Адольфъ обратился съ письмомъ къ нашему Государю, въ которомъ ставилъ Императору Александру прямой вопросъ: *на какихъ справедливыхъ условіяхъ Финляндія можетъ быть возвращена Швеціи?* Въ отвѣтѣ на это содержатся слѣдующія знаменательныя, Собственноручно приписанныя Государемъ слова, смыслъ которыхъ не утратилъ своего значенія и до настоящаго времени:

«Финляндія присоединена къ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ и не можетъ быть отдѣлена отъ нея иначе, какъ оружіемъ».

Къ срединѣ зимы въ Швеціи не было сдѣлано еще никакихъ серьезныхъ военныхъ приготовленій. Послѣ Олькіокской конвенціи генераль-квартирмейстеръ Авъ-Тибелль представлялъ королю свои соображенія, предусматривая въ нихъ возможность, въ случаѣ суровой зимы, перехода русскихъ войскъ по льду ¹⁾; онъ предлагалъ сосредоточить всѣ остающіяся силы въ двухъ группахъ, которыя держать, одну сѣвернѣе, а другую непосредственно близъ Стокгольма, на случай нашего перехода черезъ Аландсгафъ ²⁾, причемъ Аландскіе острова считалъ необходимымъ очистить. Король на это не соглашался; онъ чувствовалъ какое-то особое пристрастіе къ Аланду и требовалъ непремѣнно его оборонять.

¹⁾ Nordensvan, стр. 397.

²⁾ Проливъ между Аландскими островами и Швеціей.

Въ результатѣ, даже ко времени приближенія весны, никакихъ мѣръ по организациі обороны страны не было еще принято. Главная группа шведскихъ войскъ, нетронутый еще 15-тысячный корпусъ, бывший въ Шоніи для обезпеченія со стороны франко-датскихъ высадокъ, продолжалъ оставаться тамъ же въ бездѣйствіи, когда уже отсюда опасности никакой не грозило и не могло быть. Войска, дѣйствовавшія противъ Норвегіи, стояли на границѣ на широкихъ зимнихъ квартирахъ; большая часть войскъ, вернувшихся изъ Финляндіи, была распущена по домамъ, и только главнымъ образомъ финскіе полки размѣщены были по берегу Ботническаго залива, подъ начальствомъ Клеркера, между Торнео и Умео. Въ этой части арміи развились страшная болѣзненность и дезертирство. Съ сентября 1808 г. по конецъ года въ Умео было не менѣе 4,000 больныхъ, изъ которыхъ 1,115 умерло. Въ одеждѣ былъ страшный недостатокъ. Бѣглыхъ было такъ много, что въ декабрѣ Клеркеръ опасался, что къ веснѣ придется совершенно расформировать его армію ¹⁾.

Для непосредственной обороны столицы король набралъ едва 4—5 тыс. человекъ, да сверхъ того около 6 тыс., вмѣстѣ съ вооруженными жителями, выдвинуто было для защиты Аланда.

Настроеніе населенія и арміи было враждебно королю, который нигдѣ не показывался и жилъ уединенно въ своемъ замкѣ Гагѣ. Датчане разсылали въ народѣ и въ войскахъ прокламаціи, подстрекавшія шведовъ къ тому, чтобы свергнуть Густава и провозгласить монархомъ датскаго короля, что приводило бы къ возстановленію Кальмарской уніи. Дѣло дошло до того, что въ войскахъ, бывшихъ на норвежской границѣ, вспыхнулъ бунтъ, и они пошли на Стокгольмъ, подстрекаемые своими начальниками... Это случилось въ послѣднихъ числахъ февраля, какъ разъ въ то время, когда наши войска, наконецъ, приступили къ выполненію наступательнаго плана и тронулись изъ Або на Аландъ...

Этимъ внутреннимъ состояніемъ шведскаго государства, несомнѣнно хорошо извѣстнымъ Императору Александру и его совѣтникамъ, только и можетъ быть оправданъ тотъ смѣлый планъ наступленія въ Швецію, который былъ нами составленъ. При другихъ условіяхъ, такой планъ слѣдовало бы признать ничѣмъ не-

---

²⁾ Тамъ же, стр. 400

оправдываемымъ рискомъ, такъ какъ основногo условія его успѣха—*одновременности* появленія всѣхъ трехъ колоннъ въ Швеціи—было почти невысказано достигнуто при огромномъ разстояніи между колоннами и неминуемыхъ трудностяхъ и случайностяхъ ихъ движенія.

П. Кибѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

